

отряд, а оттуда – на Большую землю. В сентябре 1943 г. члены группы взорвали телефонно-телеграфный трансформатор на Полесском переезде, что надолго парализовало связь Гомеля с Речицей, Калинковичами и Жлобином.

Осенью 1943 г. Красная Армия начала бои за освобождение Беларуси. Подпольная борьба в Гомеле приобрела ещё больший размах. Немецкие солдаты начали сажать в тюрьму и убивать всех подряд, в гомельской тюрьме тогда находились полторы тысячи человек. Развивая наступление в направлении Гомеля, войска Белорусского фронта под командованием К. К. Рокоссовского 26 ноября 1943 г. освободили Гомель. 838 дней и ночей жило и боролось патриотическое подполье Гомеля. В городе действовали примерно 500 подпольщиков, которые объединялись в 80–90 патриотических групп. Многие из них погибли, к сожалению, имена всех неизвестны.

УДК 94 (476) «1941/.1945»:271.2

УЧАСТИЕ КЛИРИКОВ ГОМЕЛЬЩИНЫ В ОСВОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Н. КОЗЛОВА

*Государственное учреждение образования
«Гомельское кадетское училище»*

Широкая общественность Республики Беларусь недостаточно осведомлена о роли РПЦ и БПЦ в Великой Отечественной войне. В отечественной и современной историографии мало материалов о патриотически настроенных православных священнослужителях, участниках партизанских и военных действий [1, с. 20]. Прорывом в этом направлении являются работы С. В. Силовой [2], которая составила список 43 священнослужителей БССР, принимавших непосредственное участие в освободительной борьбе белорусского народа [2, с. 64, 65]. Пожалуй, исключением следует считать описанную деятельность священников региона В. Копычко, К. Раина, принимавших участие в партизанском движении [3, с. 12–15]. Автор полагает необходимым дополнить сведения С. В. Силовой именами священнослужителей Гомельщины. Список клириков региона, служивших в регионе в период Великой Отечественной войны, опубликован ранее [1, с. 23–25].

Деятельность БПЦ в 1941–43 гг. находилась под строгим контролем со стороны оккупантов. Выполняя свой пастырский долг, православным священнослужителям приходилось делать выбор, на чью сторону становиться – Московского Патриархата, оккупационной власти или оставаться нейтраль-

ными. Актуализируя проблему взаимоотношений клириков и партизан, напомним, что они к концу 1943 г. контролировали 60 % оккупированной территории страны. Патриотически настроенные клирики пользовались авторитетом среди белорусского населения, стремились поддерживать их морально и материально. Так, согласно материалам полевых экспедиций, священник Алексей Дмитриевич Валяев, служивший в селе Шихово Стрешинского района в оккупационный период, сотрудничеством с фашистами себя не запятнал. Они узнали о его связях с партизанами, ему даже угрожал арест. Поэтому он ушел в партизанский отряд и оставался там до прихода советских войск. Возобновить служение в Стрешине ему не удалось, так как храм пострадал от боевых действий [4].

Согласно отчетам Гомельского Уполномоченного Совета по делам РПЦ Е. Ф. Цуканова, «протоирей Иоанн Пищиков, трудившийся в Чечерском храме с 1915 г. до 1953 г., и известный клирик Иулиан Николаевич Колесников помогали партизанам, оказывали им материальное содействие, особо отмечаются сведения о том, что И. Пищиков и И. Колесников всегда говорили, что Советская власть вернется и нельзя слушать немецких прихлебателей» [5, л. 4, 16, 21; 6, л. 101].

Согласно материалам полевых экспедиций, был связан с партизанами и подпольщиками 55-летний украинский священник, Михаил, переехавший в 1941 г. из Черниговской области. Он служил в 1942–43 гг. в селе Уть Добрушского района. Фамилия его старожилками-респондентами забылась, но они помнят удивительно проникновенные проповеди, особую атмосферу богослужений [4]. Официально назначенного П. Т. Гладченко в селе не помнят [1, с. 23–25; 4].

Был связан с партизанами Барсук Леонтий, священник Свиридовичской церкви Речицкого района [5, л. 25]. По преданию, которое передается из поколения в поколение, он фактически спас родную деревню от уничтожения, предотвратив подготовленную карательную операцию для уничтожения взрослого населения деревни, оказывавшего содействие партизанам [4]. Ефросин Щемелев также оказывал содействие партизанам [5, л. 25]. Это был единственный клирик региона, который был освобожден от налогов за особые заслуги в годы Первой и Второй мировых войн и напрямую общался с председателем СНК БССР П. К. Пономаренко [7, л. 8–10].

Семен Иванович Пшенко, служивший в 1946 г. в с. Демехи Речицкого района, также содействовал партизанскому движению [5, л. 10]. Был связан с партизанами и Сонотов Никифор, служивший в оккупационный период в церкви Быч Кормянского района [8, л. 27].

Известны случаи, когда священнослужителям, которые сотрудничали с оккупационным режимом, партизаны выносили смертные приговоры. Всего за годы оккупации ими было убито 42 православных священника, среди них речицкий священник Борис Мацкевич [2, с. 43]. Но такие случаи в регионе

были единичны. Зная о контактах священнослужителей с прихожанами через исповедь, оккупанты привлекали их к контролю за населением, не гнушались они и организаций провокаций. Священник Василий Шекунов, служивший в селе Пиревичи, вдовец, проживал в церковном домике со своими двумя дочерьми. В Великий пост 1943 г. они были сожжены в своем доме партизанами за то, что о. Василий якобы сотрудничал с оккупационными властями. Гибель семьи была организована местным жителем Алексеем Т., (фамилию его старожилы не разглашают), который находился в партизанском отряде и был одновременно тайным сотрудником полиции. Цель провокации – дискредитация партизанского движения. После войны, боясь разоблачения, он уехал из родных мест и больше не появлялся здесь. О. Василий с дочерьми похоронен на территории Пиревичской церкви, там до настоящего времени сохранились их могилы, за которыми ухаживают нынешние прихожане [4], [9].

Продуманно и гибко «лавировал» между фашистами и партизанами клирик Александр Дзичковский. Рискаю жизнью, он спас от расстрела местного крестьянина, подозреваемого в связях с партизанами. Дьяк отвел оружие в сторону в ту секунду, когда немецкий офицер уже нажал на спусковой курок. Затем он смог убедить оккупанта в том, что многодетного крестьянина следует отпустить, и даже поручился за него. Спас о. Александр от смерти и одну пожилую еврейку, которую до прихода советских войск прятал в своём сарае [4].

Обратимся к вопросу об участии в военных действиях священников, служивших в регионе в послевоенный период. Насыщены событиями биографии священнослужителей Скумана Александра Петровича, Джасова Тихона Марковича, Соногова Никифора Евдокимовича. Их судьбы олицетворяют основные моменты истории страны межвоенного и военного периодов. Структурированные анкетные данные свидетельствуют о том, что «Джасов Тихон Маркович, 1902 г. р., принимал участие в гражданской войне, был призван в Красную Армию. Принимал участие в польской и финской кампаниях. В 1941 году его призвали в ряды Советской Армии. Он был ранен, пленен» [10, л. 6, 13, 57].

Согласно архивным данным, «Скуман А., 1890 г. р., в 1915–1918 гг. служил в Царской Армии, с 1918 по 1924 гг. – в Красной Армии. В июне 1944 г. оказался в концлагере, из которого был освобожден Советской Армией. Затем Витебским районным военкоматом призван в ряды Советской Армии в июле 1944 г., был демобилизован в декабре 1945 г. 17.01.1946 г. Витебским Райвоенкоматом награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [11, л. 64].

Соногов Никифор Евдокимович, 1896 г. р., родом из крестьян, в 1915–1917 гг. находился в царской армии, в лейбгвардейском полку. Во время гражданской войны перешел в 1 Могилевский партизанский отряд. Затем был

зачислен в Регулярную армию, далее служил в Революционном Трибунале 4-й дивизии, затем в 153 полку 17 стрелковой дивизии Красной армии. С 1922 г. трудился псаломщиком сельской церкви. С 1941 г. служил в церкви Быч Кормянского района, как уже говорилось, был связан с партизанами [4].

Долгую и достойную жизнь (1923–2001 гг.) прожил священнослужитель региона Константин Монько. Он был призван в армию в 1944 г., попав на один из самых сложных фронтов – 2 Украинский. В составе кавалерийско-стрелковой части освобождал Чехословакию, Венгрию, не раз оказывался перед лицом смерти. Был ранен в ногу, контужен. В 1945 г. лечился в госпитале, до 1947 г. служил в Будапештском гарнизоне, вплоть до самой мобилизации [4].

Воевал в рядах Советской Армии Вячеслав Константинович Дубинин, 1908 г. р., который служил в церквях Ветковского района в 1950–60-е гг. [12, л. 43]. Находился в рядах Советской Армии священник Юрьевич Николай Павлович, служивший в послевоенный период в Васильевской церкви [13, л. 92, 95].

Принимал участие в Великой Отечественной войне и иеромонах Пионий (Пётр Фёдорович Ефременко), уроженец Буда-Кошелёвского района. В ноябре 1943 г., в шестнадцатилетнем возрасте, он трудился в качестве санитаря, а после и санинструктора в прифронтовом военном госпитале. Ночами охранял военные склады. Однажды, с огромным риском для собственной жизни, ему пришлось остановить подводу с тяжелоранеными бойцами, которую мчали испугавшиеся взрыва авиабомбы лошади [13, л. 17, 168]. Он был награжден медалью «За отвагу», прошел путь от монаха до игумена, от псаломщика до архимандрита. Был участником Парада в честь 40-летия Великой Победы.

В конце 1950-х гг., в составе 4 и 5 благочиния Гомельской епархии, служили священники С. Рудько, В. Судник, И. Бурлий, Н. Савельев. Указанные клирики принимали участие на фронтах Второй мировой войны. Так, Стефан Моисеевич Рудько, 1911 г. р., с 1941 по 1943 гг. воевал в рядах Советской Армии. Затем, с 1943 до 1945 г., находился в лагере для военнопленных. Затем год, до 1946 г., вновь служил в Советской Армии, в 1950-е гг. стал священником региона [14, л. 16].

Владимир Владимирович Судник, 1924 г. р., с 1941 по 1943 гг. воевал, но был пленен, находился в лагере для военнопленных в г. Глейвиц, в 150 км от Кракова, работал в депо вплоть до освобождения в 1945 г. В 1950-е гг., после окончания Духовной Семинарии служил в регионе [14, л. 21]. Иван Стефанович Бурлий, 1907 г. р., был призван на фронт в 1945 г. и воевал в рядах Советской Армии за освобождение европейских стран. Николай Михайлович Савельев, 1926 г. р., служил в Советской Армии с 1943 по 1947 гг. [14, л. 16].

Материалы полевых экспедиций и выявленные архивные материалы свидетельствуют о 12 клириках исследуемого региона, связанных с парти-

занским движением. Также в статье приводятся данные о 11 священниках, принимавших участие в Великой Отечественной войне, служивших в регионе в послевоенный период. Церковно-историческая комиссия продолжает работу в данном направлении. Выполняя свой пастырский долг, клирики стремились облегчить страдания народа, но их деятельность контролировалась Генералкомиссариатом Белоруссии. Оккупанты не стремились создать благоприятные условия для развития религиозной жизни. Священнослужители не отделяли свою жизнь от жизни страны, за что и пользовались уважением среди населения. Сражаясь с оккупантами на фронтах, оказывая содействие партизанам, они видели в этом не просто гражданский долг, но и духовный смысл, полагая, что христианин «должен положить жизнь за други своя».

Список литературы

1 **Козлова, Н. Н.** Об особенностях восстановления церковной жизни на Гомельщине в 1941–43 гг. / Н. Н. Козлова // Известия ГГУ. – 2019. – № 1. – С. 20–25.

2 **Силова, С. В.** Крестный путь. Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : Белорусский Экзархат, 2005. – 66 с.

3 Партизанский Акафист // Слово. – 1989. – № 11. – С. 12–15.

4 Текущий архив ЦИК.

5 ГАГО, ф. 3441, оп. 1, д. 9.

6 ГАГО, ф. 3441, оп. 3, д. 4.

7 ГАООГО, ф. 144, оп. 60, д. 205

8 ГАГО, ф. 3441, оп. 1, д. 1.

9 Газета «Церковное слово». – № 5. – 2014.

10 ГАГО ф. 1354, оп. 5, д. 2.

11 ГАГО, ф. 3441, оп. 3, д. 33.

12 ГАООГО, ф. 144, оп. 60, д. 119.

13 ГАГО, ф. 1354, оп. 5, д. 5.

14 ГАООГО, ф. 144, оп. 60, д. 49.

УДК 271.2(470)

ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

К. Ю. КОСТЕНИЦЫН

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

22 июня 1941 года мирная жизнь и труд русских людей были прерваны. Вероломно нарушив договор о ненападении, в предрассветной мгле сотни самолетов военно-воздушных сил фашистской Германии взяли курс к гра-